

■ ■ ■ «Общественный диалог» в социокультурной среде и его управленческие перспективы в коммуникационной теории У.Б. Пирса и В.Э. Кронена (продолжение)¹

Андриянова Т.В.

Курский государственный университет, Курск, Российская Федерация.

Аннотация. Управленческие перспективы концепции «общественного диалога» раскрываются в статье на основе вторичных данных проекта г. Купертино (штат Калифорния, США), осуществленного в 90-х годах XX века исследовательской группой под руководством У.Б. Пирса и В.Э. Кронена. Взгляд на теорию координированного управления смыслом как на концептуальную основу данного проекта позволил авторам сосредоточить свое внимание на козволюции ее методологических основ и эмпирического потенциала, что нашло свое выражение в разработке критериев оценки любой практической теории и совершенствовании ее понятийного аппарата. Обозначенные авторами как «грамматика СММ» шесть ключевых принципов: координация, формы коммуникации, событие (случай), силы логики, позиция личности-посредника и контекстуальная реконструкция позволяют шире взглянуть на возможности современного поля научного дискурса и коммуникативный процесс в целом. Рассчитанный на долговременную перспективу общественный диалог позволяет гармонизовать интересы разных социальных групп не за счет одностороннего управленческого воздействия, а счет возможности всем стейкхолдерам включиться в конструктивный диалог. В качестве основного эмпирического метода здесь выступает контекстуальная реконструкция событий (фокус-группы, групповые дискуссии и т.д.) с привлечением фигуры-посредника (модератора).

Ключевые слова: коммуникационная теория, общественный диалог, управление, «теория координированного управления смыслом», общество

Для цитирования: Андриянова Т.В. «Общественный диалог» в социокультурной среде и его управленческие перспективы в коммуникационной теории У.Б. Пирса и В.Э. Кронена (продолжение) // Коммуникология. 2021. Том 9. № 2. С. 51-66. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-2-51-66.

Сведения об авторе: Андриянова Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Курского государственного университета. Адрес: 305004, г. Курск, ул. Радищева, 29. E-mail: andriyanova.tv@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 26.02.2021. *Принята к печати:* 12.03.2021.

¹ Первая часть исследования: Андриянова Т.В. «Общественный диалог» и его управленческие перспективы в коммуникационной теории Б. Пирса и В. Кронена // Коммуникология. 2021. Том 9. №1. С. 151-159. DOI 10.21453 / 2311-3065-2021-9-1-151-159.

Использование в коммуникативном проекте г. Купертино концепции «общественного диалога» позволило У.Б. Пирсу и В.Э. Кронену оценить уже имеющиеся достижения и более детально раскрыть центральный тезис теории координированного управления смыслом (далее теория СММ), в шести ведущих концептуальных принципах, обозначенных авторами как «грамматика СММ»: координация, формы коммуникации, событие (случай), силы логики, позиция личности-посредника и контекстуальная реконструкция. Далее в статье они изложены более подробно в контексте сопутствующих исследований, управленческих практик и основных тенденций развития интересующей нас концепции [Андриянова; Шарков].

Координация

Авторская концепция координации в теории СММ отличает ее от многих других теорий коммуникации тем, что она не использует термин «понимание» или его эффект в качестве критерия для успешного общения. Вместо этого здесь рассматривается индивид, вовлеченный в активные и реактивные действия, направленные на участие предпочтительных совместных актах коммуникации и исключенияющие те, которые не вызывают интереса [Pearce 1989 ch. 2; Pearce 1994: ch. 3]. Исследователи отмечают, что «хотя в эвристическом плане данный процесс принято обозначать термином «координация», это не означает, что люди всегда или даже обычно совместно достигают осуществления тех событий, которых они желали» [Pearce & Pearce 2000a: 410]. Основным качеством происходящих здесь событий является не суммирование продуктов взаимодействия многих сил, а ответ на ключевой для акторов вопрос: «Что мы совместно конструируем?».

В свою очередь, богатство эвристического подхода заключается здесь в понимании смысла каждого действия в определенном событии и разговоре. Пирс и Кронен приводят для описания этого процесса две типологические модели: «иерархическую модель», в которой каждый акт локализуется одновременно в серии встроженных контекстов историй о людях, отношениях, событиях и «серпантинная модель», где существует незавершенная последовательность совместно сконструированных действий [Pearce & Pearce 2000a: 410]. Если мы таким образом представим упрощенный сквозной вид одного акта в разговоре, то общий смысл здесь будет определяться его соответствующей интерпретацией и последовательностью действий, а не особенностям самого акта. Под интерпретацией в данном случае можно понимать пространство силы логики [Cronen & Pearce] и «локальные нравственные предписания» [Harre & van Langehove: 1]. Для теории СММ наиболее важным является смысл любого действия, который не может находиться под полным контролем актора и не заканчивается, после его выполнения: «наши поступки приближают смысл предыдущих поступков к завершению, и таким образом, мы участвуем в выявлении того, что уже было сделано и наоборот» [Pearce & Pearce 2000a: 410].

Отмечая существенный эвристический функционал теории СММ в межличностном общении, авторы отмечают, что в проекте г. Купертино они применили

ее как руководство к действию в поле публичного дискурса, и, соответственно, переформулировали и перенаправили смысл произошедших здесь событий. Так, действия некоторых людей в Купертино можно было бы истолковывать как obstructионистские или оппозиционные, но приходилось учитывать, что смысл их поступков оставался как-бы «незавершенным». В силу этого намерения других в их отношении и общепринятые интерпретации таких действий сознательно игнорировали и продолжали действовать таким образом, чтобы имеющиеся разногласия становились предметом для дальнейшего изучения и понимания. Авторы приводят и крайние случаи, когда в проекте отмечались действия, явно рассчитанные на оскорбление, но и на них отвечали так, как на активные предложения участвовать в проекте. Ответы в данном случае рассматривались исследователями, с одной стороны, как часть процесса, проясняющего смысл того, что другие говорили и делали и подводящего всё к завершению, а, с другой стороны, как трансформация предполагаемого смысла с целью способствования обществу диалогу. Понимание координации значительно расширилось в тот момент, когда авторам пришлось столкнуться с реалиями неравного распределения власти и препятствиями в создании процесса общественного диалога. В подтверждение они приводят слова Р. Кингстона: «Политика и диалог – это совсем не одно и то же» [Kingston: 3]. Он раскрывает этот тезис, утверждая, что сущность политики составляет осуществление власти, которое можно также понимать как соперничество, где есть сильные победители и бессильные, а значит осуществить диалог между обладающими властью и теми, у кого власти нет не представляется возможным.

В этой связи авторы поставили перед собой задачу заменить такую трактовку власти как неконструктивную для непрерывных, незавершенных взаимодействий более традиционными представлениями о том, что «властью люди обладают в большей или меньшей степени, и что властные отношения обязательно доминируют над всеми другими возможными отношениями» [Pearce & Pearce 2000a: 411]. Взяв за основу определенные «шаблоны взаимодействия» (patterns of interaction) с теми, кто так или иначе обладал или не обладал властью, исследователи нашли возможности предусмотреть каждый акт в отдельности в терминах уже имеющихся иерархической и серпантинной моделей теории СММ. Это позволило увидеть отношения власти как одну из многих возможных интерпретаций смыслов действий и помогло выявить возможности вмешательства, трансформирующие эти отношения в совместное участие в общественном диалоге, благодаря глубокому «прочтению» многочисленных, незавершенных смыслов каждого акта. В проекте г. Купертино это выглядело примерно следующим образом: на общие встречи приглашались все заинтересованные стороны, включая тех, кто обычно не разговаривал друг с другом, а сами встречи тщательно выстраивались особым стратегическим образом с использованием подготовленных модераторов, которые вмешивались в разговор для того, чтобы блокировать веду-

щую роль доминирующих, агрессивных или просто разговорчивых участников в групповых дискуссиях [Pearce & Pearce 2000a: 412].

По замечанию Пирса, ключевым здесь стал общий вопрос: «Что мы делаем вместе?», который повторялся в ходе дискуссии как своеобразная мантра и позволил использовать модели серпантина и иерархии в качестве эвристической основы для ответов на него. С целью сохранения акцента на заявленной концепции координации, была разработана сравнительная схема между понятием коммуникации в теории СММ и в «модели передачи» (Transmission Model), расширенной Пирсом по сравнению с работами 90-х годов XX века [Pearce & Pearce 2000a: 413]. Среди основных различий между этими концепциями коммуникации можно выделить переходы: от фокусировки на персонах конкретных индивидов к тому, что Р. Харри называет «присутствующий в разговоре» [Harre]; от одиночных сообщений к процессу общего «восприятия риторики» по Дж. Шоттеру [Shotter 1993]; от индивидуального интернационального или интерпретативного смысла действия к тому, что совместно «сделано» в процессе коммуникации.

Формы коммуникации

В данном разделе авторы останавливаются на трактовке форм коммуникации в рамках теории СММ, исходя из разных представлений о ней. Так, в самых ранних работах (70-е годы XX века) они противопоставляли ее понимание распространенной тогда идее коммуникации как «бесцветного», «без вкуса и запаха» средства для размышления и действия. Позднее в 80-е годы XX века развитие идеи о том, что люди создают свои социальные миры, привело к разработке концепции «форм коммуникации», утверждающей существование взаимной, причинно-следственной связи между ними и различными историческими и культурными «способами бытия человека» [Pearce, 1989].

В проекте г. Купертино в качестве теоретической рамки экспериментов была использована концептуализация теорий «многонациональной коммуникации» [Pearce 1989, 1993; Oliver] и «трансцендентного дискурса» [Pearce & Littlejohn]. С учетом того, что ранее ни одна из этих концепций не применялась к исследованию общегородских процессов, происходящих на протяжении ряда лет, авторы отобрали из них ряд соответствующих принципов: «включенность как можно большего количества акторов в поле публичного диалога; ценность умения слушать не меньше, чем умения говорить; помощь другим (особенно тем, с кем мы не согласны и кого находим неприятными) в том, чтобы быть услышанными и понятыми; использование при встречах языковых оборотов благодарности и инклюзивности, а не исключающих оборотов; отношение к разногласиям как к благоприятным моментам для исследований, а не как к препятствиям на пути достижения общего прогресса» [Pearce & Pearce 2000a: 412-413].

Результат, как наиболее приемлемую форму коммуникации, которая была движущей силой проекта, сити-менеджер Купертино Дон Браун представил в прессе достаточно красноречиво и авторы приводят фрагменты его интервью: «Момент

«прозрения» для меня наступил, когда я понял, что этот проект был направлен не на изменение сознания людей, а на расширение возможности говорить о сложных проблемах. Я также понял, что страхи и опасения людей реальны и законны, и что им нужен способ говорить о них, не боясь быть заклеенными расистами...одним из самых полезных достижений здесь было то, что людям разрешили настаивать на своем» [Pearce & Pearce 2000a: 413-414]. Как представитель власти он отметил, что заставить всех людей думать одинаково невозможно, поэтому цель здесь состоит в обеспечении места, где они, твердо придерживаясь своих взглядов, смогут высказаться и будут услышаны. В целом это способствует прояснению позиций и обнаружению в городском сообществе наличия большего количества общих ценностей, чем это представлялось ранее.

Пирс отмечает, что по мере продолжения проекта шло и совершенствование понимания общественного диалога в русле развития его различных «преломлений» [Pearce & Pearce 2000b], базирующихся, в том числе, на взглядах учёного-физика Дэвида Бома [Bohm; Gunnlaugson], известного своими работами по квантовой физике, философии и нейропсихологии, и философа Мартина Бубера [Asakaviciute]. В традиции Бома «диалог» – это существительное, обозначающее определенный эпизод общения, который группа в состоянии «сделать», при этом участники пропускают сходные вопросы для того, чтобы подумать вместе, выполняя ряд практически идентичных речевых актов. А для Бубера более уместно использовать слово «диалогический» как наречие или прилагательное, описывающее способ отношения людей друг к другу с выполнением всевозможных речевых актов. Пирс, опираясь на буберовский подход, утверждает, что условия общественного диалога образуют так называемый «волшебный контур» [Cronen, Johnson, Lannamann] между: историями «о себе» (понижаемыми как «стоять на своем»); «отношениями» (как «быть открытым для другого») и «событиями» (через совместное конструирование последовательности действий), что побуждает участников постоянно оставаться в напряженном состоянии [Pearce & Pearce 2000a: 414]. В этой связи авторы ставят вопрос о необходимости продолжения эволюции взглядов на формы коммуникации и возможностях диалогической формы в осуществлении многообразных коммуникативных актов, в сфере политики, развитии общественных институтов, планировании, зонировании и других контекстах публичного дискурса.

Событие (случай)

Рассматривая концепцию событий в русле теории СММ, Пирс и Кронен характеризуют их как ограниченные последовательности действий, имеющие начало, середину и завершение. Как правило они имеют связную повествовательную структуру, акторы-коммуникаторы обычно могут назвать события, составляющие жизнь и поместить их в ее общий сюжет [Harre & van Langenhove; Pearce 1994, ch. 4]. Сама продолжительность событий обычно определяется самими участниками, но исследователи и теоретики СММ обычно рассматривают их «как от-

носителем короткие, непрерывные шаблоны взаимодействия при личных контактах» [Pearce & Pearce 2000a: 414].

В проекте г. Купертино от исследователей потребовался в совершенно иной масштаб мышления, как с точки зрения расширения во времени, так и по количеству людей и групп, вовлеченных в события. Как метафора здесь была представлена «архитектура разговора», отражающая способ размышления о социальной системе, в которой осуществлялся проект, с особым вниманием к «концепции событий». Затем они были интегрированы в трехуровневую модель процесса общественного диалога, расширяющую концепцию события далеко за пределы ее первоначальной функции в теории СММ [Pearce & Pearce 2000a: 415]. Основные уровни и их аргументация приводятся ниже.

Уровень 1. Стратегическое проектирование процессов. Авторы отмечают, что «проектирование стратегического процесса – это самая весомая часть «концепции событий», представленная как план сознательно выбранной последовательности событий, которые отвечают существующим условиям и приводят к желаемому результату» [Pearce & Pearce 2000a: 415]. Понятно, что сам стратегический процесс может занимать от нескольких недель до нескольких лет, при этом его дизайн, безусловно, изменится. Обычно он включает в себя следующие шаги: первоначальное участие в событии соответствующих стейкхолдеров; выслушивание всех мнений; расширение контекста разговора; обсуждение вариантов; принятие решений и совместное продвижение вперед [Pearce & Pearce 2000a: 415]. Некоторые различия могут, по мнению авторов, проявляться: в местоположении лиц, принимающих решения; в сроках участия общественности; в наборе необходимых действий и коммуникативных навыков, разработанных управленцами и представителями общественности. Удовлетворенность этим процессом и готовность принять итоговый «продукт» также могут различаться. В целом, концептуализация общественных процессов как событийных структур позволяет отличать общественный диалог от других конструкций [Pearce & Pearce 2000a: 415].

Уровень 2. Конструирование события. Пирс и Кронен указывают, что каждый шаг в стратегическом проектировании общественного диалога осуществляется посредством одного или нескольких событий. Под событиями, в данном случае, понимается «последовательность действий, которые происходят в рамках одной встречи (они могут длиться менее часа или продолжаться до нескольких дней)» [Pearce & Pearce 2000a: 415]. Многие типы событий здесь можно специально упорядочить и привести к так называемым «типичным мероприятиям». В проекте г. Купертино это были фокус-группы, собрания в Ратуше, обучающие студии, общественные обсуждения, поисковые встречи с ориентацией на будущее и управляемые групповые дискуссии.

В качестве источника своих размышлений, которые привели в итоге к созданию модели, авторы отмечают процесс непосредственного наблюдения за отдельными событиями с участием общественности, проходящими с минимальной подготовкой или модерацией. Как правило, участники этих мероприятий часто

спрашивают о дальнейших шагах власти и получают довольно расплывчатые ответы, что не ведет к положительному итогу. В этой связи концепция событийной структуры дает возможность завершать предыдущее событие, предвосхищать следующее и давать ответы на искомые вопросы.

Уровень 3. Коммуникативные компетенции посредника. Как было показано выше, успех любого события частично зависит от того, как посредники (далее модераторы) реагируют в данный момент на действия участников. Исследователи выделяют два уровня компетенции модерации событий: один из них включает традиционные методы (хронометраж, обеспечение информацией, запись разговоров и контроль за тем, чтобы все участники имели достаточное «эфирное время»), а второй состоит из (ре)формулирования комментариев с использованием циклических, рефлексивных и диалогических процедур интервьюирования; позиционирования участников как «размышляющих команд» или «сторонних наблюдателей»; тренинга в участниках навыков диалогической коммуникации [Pearce & Pearce 2000a: 416] и т.д. Эти уровни имеют различия вследствие того, что некоторые активные участники общественной работы имеют принципиальные возражения против любой формы модерации. Однако Пирс считает, что уровни компетенций модерации в целом имеют решающее значение для процесса общественного диалога, причем важной здесь является буквально поминутная фиксация того, что происходит [Pearce & Pearce, 2000a: 416]. Он отмечает, что успех общественного диалога зависит от таких тонких нюансов, как, например, решение задать вопрос или сделать комментарий в определенный момент, сам способ формулировки вопроса, его своевременность и т.д. Одним из способов убедиться в этом успехе является сформированность коммуникативных компетенций посредника в стратегическом проектировании процессов и конструировании события, а другим то, что они сами призваны создать предпосылки именно для такого рода вмешательства (модерации) и вытекающей из него формы коммуникации.

Силы логики

Эта дефиниция отличает концепцию «потребности» в социальной теории Пирса и Кронена [Cronen & Pearce]. В теории СММ описывается ее сложность и изменчивость в виду возможности характеризовать индивидов в контексте того, как они «должны» поступить или, чисто технически, в рамках деонтической логики, подразумевающей, что они «должны», «могут» или «не могут делать» в конкретных ситуациях [Pearce & Pearce 2000a: 416]. В процессе работе в проекте г. Купертино, авторы убедились, насколько далека эта концепция от практики.

Изначально авторы, под воздействием достаточной распространенности этого метода среди ученых, работали с количественными и качественными способами операционализации в исследовании деонтических конструкторов «обязательно», «разрешенного», «запрещенного» и «нерелевантного». Поскольку на практике имели место ситуативные акты, а не вневременные отношения между пропози-

циями, было введено различие между будущим и прошлым в форме дихотомии между «причинным/потому что» и «интенциональным порядком» атрибуции мотивов. На основе моделей серпантина и иерархии, был разработан сложный массив «сил логики», которые конституируют момент, в котором происходит каждый акт и обозначено различие между контекстуальными, префигуративными, практическими и имплицативными силами [Pearce & Pearce 2000a: 416].

В ходе проекта г. Купертино это изначальное описание сил логики впоследствии позволило исследователям выйти на концептуальные следствия произведенных сдвигов. В качестве примера выступают две группы жителей Купертино: одни жили распространенными представлениями о прошлом города («Купертино когда-то состоял из обширных садов и несколько ферм»), в то время как другие связывали свои представления с будущим («Купертино находится на лидирующей позиции технологического развития даже в пределах Кремниевой долины, так как более чем 90% его жителей имеют доступ в интернет») [Pearce & Pearce 2000a: 417]. Авторы делают вывод, что это был не столько вопрос прочности сил логики, как изначально предполагалось, сколько воздействие, так называемых, «дискурсивных габитусов» (*discursive habits*). Эти габитусы, однако, обнаруживали схожий эффект конституирования того, как индивиды думали и действовали, и ограничивали их способность совместно создавать ситуации взаимодействия с другими людьми, имеющими другие габитусы [Pearce & Pearce 2000a: 417].

В целом, Пирс и Кронен зафиксировали общественную ситуацию, в которой возрастает чувствительность к габитусам людей, воспринимающих ситуации как проблемы и обвиняющих других в результатах своего собственного поведения. Британский исследователь, терапевт и семейный психиатр Элспет МакАдам¹ в этой связи задавалась вопросом, почему люди кажутся настолько восприимчивыми к тому, что она назвала «приобретённое увлечение синдромом лимитированного языка»² [Strepparava 2017-2018]. Каковы бы ни были причины, следствия этих габитусов сходны с определенными конфигурациями деонтической логики, вместе с тем они не кажутся равнозначными попыткам поколебать существующий порядок.

В результате, в проекте г. Купертино авторы стали избегать «разговоров о проблемах», формулированием вопросов с оценкой тех или иных событий [Hammond; Srivastva & Cooperrider], сознательно разрушая те дискурсы, в которых есть фигуры «обвинителей и жертв», и сосредотачиваясь на позитивных представлении-

¹ Элспет МакАдам и Вернон Кронен совместно разрабатывали различные теории на основе случаев, которые они наблюдали в Кенсингтонском консультационном центре (Великобритания), а также с учетом их опыта во время летних школ и семинаров по всему миру.

² Под «лимитированным языком» (*deficit language*) подразумевается ситуация, когда событие описывается человеком не насыщенным метафорами языком полностью, а в виде коротких односложных предложений. Например, человека просят описать своего коллегу, и он говорит: «конфликтный», «с ним трудно» и т.п.

ях, которые можно найти в основе даже самых настойчивых претензий. В окончательной формулировке теории СММ отождествление сил логики с деонтической логикой стало проявляться в меньшей степени, что позволило ей опираться на более общие формулировки: «локальные нравственные предписания» [Harre & van Langenhove: 1], «грамматика» конкретных историй и способов их изложения и т.д.

Позиция личности посредника и доверие в повседневном языке

В этой концепции Пирс и Кронен указывают на определенное противоречие, выявленное ими при анализе эксперимента в г. Купертино. С одной стороны, существующие в рамках теории СММ различные наборы прав, обязанностей и привилегий индивида выдержаны, как правило, в рамках первого, второго или третьего лица обычных грамматических правил, что находится в контексте работ Витгенштейна [Wittgenstein], Шоттера [Shotter, 1989], Харри и Гриллетта [Harre & Grillett]. Однако, с другой стороны, когда по ходу проекта авторы часто оказывались в роли посредников (далее модераторов) или учили этому других, эта роль не вполне соответствовала ни одной из этих грамматических позиций [Pearce & Pearce 2000a: 417].

Организация события (дискуссии) подразумевала, что в обязанности модератора входит: помогать группе следовать необходимой последовательности событий; оставаться при этом нейтральным, уравнивая себя с участниками дискуссии, что создает атмосферу взаимного доверия и уважения; активно слушать и помогать участникам слушать друг друга; помогать участникам рассказывать свои истории становясь на позицию «незнания», выражая любопытство, задавая вопросы, а также одобряя их поведение; концентрироваться, «сплетая» все истории вместе. И здесь обнаружилось, что роль модератора в основном ведется от первого лица (он является участником беседы), но, одновременно, она идет и от третьего лица, так как модератор сохраняет обостренное чувство осознания того, что событие конструируется совместно, и принимает на себя роль руководства им, учитывая, что его собственное мнение не должно звучать в разговоре [Pearce & Pearce 2000a: 418]. Вся сложность этой роли была впервые осознана авторами тогда, когда некоторые жители, которых ей обучали, выступили в качестве модераторов небольших групповых дискуссий на собраниях в Ратуше. Они объяснили, что в итоге остались не очень довольны, так как хотели, чтобы их собственный голос был услышан более непосредственно на собрании, а такой возможности им не предоставили. Размышления над их решением привели авторов к выводу, что роль модератора нужно рассматривать как нечто большее, чем сдвиг между тремя лицами в грамматике обычного языка – это переход к позиции «косвенного влияния» [Pearce & Pearce 2000a: 418].

Пирс и Кронен оценивают теоретические последствия этого вывода как действительно значимые для тех, кто занимается проблемами социального конструирования и тех, кто продолжает считать, что обычный язык достаточно охватывает пространства социальных миров: «мы должны либо отказаться от этого базово-

го принципа, либо начать исследовать гораздо больше тонкостей языка, чем это было сделано в литературе до сих пор...обе эти альтернативы могут быть изучены, но «консервативный» подход здесь заключается в расширении исследования лингвистических ресурсов» [Pearce & Pearce 2000a: 418]. Далее авторы отмечают, что, как правило, большинство дискуссий о языке среди социальных конструктивистов сводится к общению со словарем (например, существует ли разница, в описании человека как «пациента» или «клиента?»), различному использованию частей речи (например, права и обязанности, соответствующие позиции лица, подтверждающие использование местоимений), и описанию кейсов (например, «Я утверждаю», который означает принятие на себя ответственности) и т.д. В качестве альтернативы предлагается возможность исследовать другие части речи (например, предлоги, а также различное время и наклонения глаголов) или использовать так называемый «средний род», который является частью классического греческого языка [Pearce & Pearce 2000a: 418]. Последний ясно выражает то, что, в свою очередь, вызывает неудобства при традиционном употреблении дефисного выражения в активном или пассивном залоге (например, коэволюция). Исследования С. МакНэми и К. Герген [McNamee & Gergen] представляют еще один вариант решения проблемы с точки зрения примата отношений в перспективе социального конструктивизма, и, с этой целью, они особое внимание обращают на использование предлогов как части обычного языка.

Авторы видят здесь перспективы дальнейшего теоретического развития в той связи, которую имеет эта идея с одним из положений теории СММ: «способы бытия человека реципрокным казуальным способом связаны с формами коммуникации» [Pearce & Pearce 2000a: 419]. С одной стороны, процесс более полного изучения возможностей грамматики обыденного языка, а также его «пределов» как метод, описывающий и, возможно, находящий новые способы для человека стать самим собой. С другой стороны, права, обязанности и ответственность модератора, как и, к примеру, права терапевта или консультанта в процессе коммуникации, по-видимому, выдержаны в сослагательном наклонении и в среднем роде. Вопрос, который ставят авторы в качестве своеобразного вывода, отражает и определенные управленческие перспективы: «Будет ли усиление ясности в описании этих ролей иметь практическую ценность при разработке учебных программ, оценке персонала и разработке социальной теории?» [Pearce & Pearce 2000a: 419].

Контекстуальная реконструкция

Концепция контекстуальной реконструкции как особенно интересная и сложная форма коммуникации, описанная Пирсом и Бренхэмом еще в 80-е годы XX века [Branham & Pearce], периодически возникала как форма существования в условиях общественного диалога проекта г. Купертино. С точки зрения теории СММ, все действия обычно происходят в определенном контексте, и обычная риторическая задача состоит в том, чтобы индивиды действовали соответствен-

но контексту, но на практике возникают моменты, когда выполняемые действия идут вразрез с контекстуальным прообразом. В таком случае возникает необходимость реконструировать контекст так, чтобы он соответствовал совершаемому действию [Pearce & Pearce 2000a: 419]. Необходимость действовать таким образом, чтобы создать новые контексты, потребовала от авторов интеграции трех идей, которые были отдельно разработаны в теории СММ:

- «импликативная сила» как основная идея контекстуальной реконструкции, заключающаяся в последствиях, которые может вызвать каждое действие, изменяя контекст происходящего (изначально понятие концептуализировалось только с точки зрения говорящего, а затем – с точки зрения отдельного действия, например, публичного выступления [Branham & Pearce]).

- «игровое мастерство» как идея, первоначально разработанная в контексте межличностного общения, где она давала участнику продолжающейся последовательности событий право намеренно нарушать правила, чтобы добиться желаемого нового положения дел [Pearce 1994] (в проекте г. Купертино идея была использована при работе с целым сообществом в течение длительного периода времени в условиях взаимодействия с различными группами людей, совершающими множество действий);

- «коммуникация в многонациональном сообществе» [Pearce 1989] применялась как идея принципиально иной ориентации на контекстуальную реконструкцию для многонационального сообщества г. Купертино, где маловероятным был факт того, что любое действие в рамках игрового мастерства будет одинаково эффективным для разных групп (с этой точки зрения, она стала более успешной, так как являлась результатом сотрудничества, а не одностороннего действия) [Pearce & Pearce 2000a: 419].

Выводы. Исследование в рамках проекта г. Купертино позволило авторам скорректировать основные положения теории СММ в рамках ее практической концептуализации [Cronen], что, в свою очередь, замкнуло виток коэволюции имеющейся здесь традиции практики и дискурса; придало направление, сделало последовательной и значительно расширило сферу ее применения: «практическая теория отличается от других форм теории и расширяется с помощью особых способов, вытекающих из ее природы: ее можно сделать более общей, охватывающей большую часть явлений мира или сделать более строгой, указав влияние дополнительных опосредующих переменных... она расширяется путем добавления полезных понятий и моделей, разработки более точного или описательного словаря, изучения новых способов работы в сложных или новых контекстах и смены устаревших или ограничивающих метафор более свежими» [Pearce & Pearce 2000a: 420]. В заключении Пирс и Кронен разработали систему трех критериев, позволяющих оценить значимость любой практической теории.

1. Способность направлять тех, кто ее использует. Авторы указывают, что «значение термина «руководство» здесь весьма существенно, так как он не относится к типам «кулинарной книги» или набору инструкций» [Pearce & Pearce 2000a: 420].

Скорее речь здесь идет о том, что именно повышает предусмотрительность или актуализирует социальную направленность высказываний управленцев-практиков, повышает их способность различать и использовать ресурсы конкретных социальных условий для получения желаемых результатов [Oliver; Pearce, 1989]. Рассматривая естественные и неестественные действия, исследователи отмечают, что в первом случае – это то, как субъекты обычно действуют в любой ситуации, нуждающейся в изменении, а именно: конституируют то, что имеется, продолжают действовать по шаблону и, в результате, ситуация не меняется. В случае, если субъекты действуют неестественно, необходима практическая теория, чтобы добиться успеха. Так, в проекте г. Купертино особую роль сыграло то, что теория СММ в русле практической теории основывается на видении коммуникации как первичного социального процесса и основы создания событий и объектов социального мира, что стало частью ключевой способности участников переосмысливать события и участвовать в совместном процессе контекстуальной реконструкции [Pearce & Pearce, 2000a: там же].

2. Способность обеспечить такую грамматику коммуникации, в которой практика может обсуждаться согласованно. С точки зрения авторов, этот критерий является частью эвристических качеств теории СММ, так как позволяет открывать возможности для эффективного действия (эвристическая функция) и связного описания и объяснения этих практик [Pearce & Pearce, 2000a: там же].

3. Степень продолжающейся коэволюции между практикой и грамматикой дискурса, что, в свою очередь, проявляется в теории СММ как эволюция от применения в качестве практической теории к долгосрочному общегородскому общественному диалогу [Pearce & Pearce, 2000a: 421].

Следствием коэволюции теории СММ в результате реализации проекта г. Купертино стало развитие, расширение и углубление ее понятийного аппарата:

- понятие «координация» расширилось за счет того, что исследователям пришлось вплотную заняться вопросами власти и управления, следствием чего явилось принципиальное использование вопроса: «Что мы делаем вместе?» как способа пригласить участников выйти за рамки традиционных отношений власти;

- понятие «формы коммуникации» было дополнено за счет исследования нескольких традиций диалога и разработки авторского понятия «общественный диалог», операционализированного в разработке трехуровневой модели различных измерений событий в долгосрочных проектах;

- понятия «силы логики» и «положение индивида» практически полностью были переосмыслены в том смысле, что действия здесь могут происходить в контексте прав, обязанностей и обязательств, соответствующих различным ролям, которые мы принимаем, а индивид может быть гораздо более открытым для поиска новых ролей и тонких различий между ролями и признавать необходимость плюралистического способа описания ограничений и возможностей, в рамках которых мы действуем;

– понятие «контекстуальная реконструкция» потребовало от исследователей интеграции нескольких концепций и более глубокого понимания изначального тезиса: «люди коллективно создают социальную реальность и управляют ею» [Pearce & Cronen: 305], то есть реконструкция контекстов, не может быть осуществлена в одностороннем порядке или в одном акте, а социальное изменение, как и его очевидная противоположность, социальный порядок, со-конструируется в рекурсивном процессе, который реконструирует нас как личности, отношения и институты [Pearce & Pearce 2000a: 421].

В целом, управленческие перспективы общественного диалога в рамках теории СММ представляются более чем актуальными в социокультурных процессах трансформирующегося российского общества как в теоретико-методологическом, так и в эмпирическом плане. Раскрытие их потенциала может способствовать процессу управленческого воздействия на в условиях конкретных поселений с учетом интересом разных социальных групп.

Источники

Андриянова Т.В. (2019). Исследовательский потенциал теории координированного управления смыслообразованием в управлении социальными процессами // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы IV междунар. науч.-практ. интернет-конф., г. Вологда, 25 марта – 2 апреля 2019 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. С. 184-189.

Шарков Ф.И. (2019). Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций // Коммуникология. Т.7. №4. С.32-40.

Asakaviciute V. (2020). Martin Buber's Dialogical Communication: Life as an Existential Dialogue. *Filosofija. Sociologija*. No. 31(1). P. 51-60. DOI: 10.6001/fil-soc.v31i1.4178.

Bohm D. (1996). On dialogue. London and New York: Routledge.

Branham R.J., Pearce, W.B. (1985). Between text and context: Toward a rhetoric of contextual reconstruction. *Quarterly Journal of Speech*. No. 71. P.19-36.

Cronen V.E. (1995) Coordinated management of meaning: The consequentiality of communication and the recapturing of experience. In: S.J. Sigman (ed.), *The consequentiality of communication* (p. 17-66). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Cronen V.E., Johnson K., Lannamann J.W. (1982). Paradoxes, double-binds, and reflexive loops: An alternative theoretical perspective. *Family Process*. No. 20. P. 91-112.

Cronen V.E., Pearce W.B. (1981). Logical force in interpersonal communication: A new concept of the «necessity» in social behavior. *Communication*. No.6. P. 5-67.

Gunnlaugson O. (2014). Bohmian Dialogue: a Critical Retrospective of Bohm's Approach to Dialogue as a Practice of Collective Communication. *Journal of Dialogue Studies*. Vol. 2. No. 1. P. 25-34.

Hammond S.A. (1996). *The thin book of appreciative inquiry*. Plano, TX: CSS Publishing.

Harre R., Grillett G. (1994). *The discursive mind*. Newbury Park, CA: Sage.

Harre R., van Langehove L. (1999). The dynamics of social episodes. In R. Harre & L. van Langehove (eds.), *Positioning theory* (p. 1-13). Oxford, UK: Blackwell.

Harre R. (1984). *Personal being: A theory for individual psychology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Kingston R.J. (1999). The political importance of dialogue. *Kettering Foundation Connections*. No.9. P. 2-5.

McNamee S., Gergen K. (1999). *Relational responsibility: Resources for sustainable dialogue*. Thousand Oaks, CA: Sage.

- Oliver C. (1996). Systemic eloquence. *Human Systems*. No. 7. P. 247-264.
- Pearce W.B. (1989). Communication and the human condition. Carbondale: Southern Illinois University Press.
- Pearce W.B. (1993). Achieving dialogue with «the Other» in the postmodern world. In P. Gaunt (Ed.), *Beyond agendas: New directions in communications research* (p. 59-74). Westport, CT: Greenwood Press.
- Pearce W.B. (1994). Interpersonal communication: Making social worlds. New York: HarperCollins.
- Pearce W.B., Cronen V.E. (1980). Communication. action and meaning: The creation of social realities. New York: Praeger.
- Pearce W.B., Littlejohn S.W. (1997). Moral conflict: When social worlds collide. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Pearce W.B., Pearce K.A. (2000a). Extending the Theory of the Coordinated Management of Meaning (CMM) Through a Community Dialogue Process. *Communication Theory*. No.4. P. 405-423.
- Pearce W.B., Pearce K.A. (2000b). Combining passions and abilities: Toward dialogic virtuosity. *Southern Communication Journal*. No. 65. P.161-175.
- Shotter J. (1989). Social accountability and the social construction of «you». In: J. Shotter & K. Gergen (eds.), *Texts of identity* (p. 133-151). London: Sage.
- Shotter J. (1993). Conversational realities: Constructing life through language. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Srivastva S., Cooperrider D. (1990). Appreciative management and leadership: The power of positive thought and action in organizations. San Francisco: Jossey-Bass.
- Strepparava G. (2017-2018). Kensington consultation centre: a birthplace of different systemic ideas... tesi di laurea magistrale. Bergamo [access mode]: <https://gck.nu/wp-content/uploads/2018/11/Giada-STREPPARAVA-Thesis-Kensington-Consultation-Centre-004.pdf>
- Wittgenstein L. (1967). Philosophical investigations, 3rd ed., transl. G.E. Anscombe. Oxford, UK: Blackwell.

■ ■ ■ Public Dialogue in the Socio-Cultural Environment and its Management Perspectives in the Communication Theory of W. Barnett Pearce and Vernon E. Cronen (continuation)¹

Andriyanova T.V.

Kursk State University, Kursk, Russia.

Abstract. Management perspectives of the concept of «public dialogue» are revealed in the article on the basis of secondary data of the project of Cupertino (California, USA), carried out in the 90s of the twentieth century by a research group led by W.B. Pearce and V.E. Cronen. The view of the theory of coordinated control of meaning as the conceptual basis of this project allowed the authors to focus on the co-evolution of its methodological foundations and empirical potential, which was expressed in the development of criteria for evaluating any

¹ The first part of the study: Andriyanova T.V. (2021). Public Dialogue in the Socio-Cultural Environment and its Management Perspectives in the Communication Theory of W. Barnett Pearce and Vernon E. Cronen. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No.1. P. 151-159. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-151-159.

practical theory and improving its conceptual apparatus. The six key principles identified by the authors as SMM Grammar: coordination, forms of communication, event (case), forces of logic, position of the intermediary personality, and contextual reconstruction allow us to take a broader look at the possibilities of the modern field of scientific discourse and the communicative process as a whole. A long-term social dialogue allows us to harmonize the interests of different social groups not by unilateral managerial influence, but by allowing all stakeholders to engage in a constructive dialogue. The main empirical method here is contextual reconstruction of events (focus groups, group discussions, etc.) with the involvement of an person-position of the facilitator (moderator).

Keywords: communication theory, public dialogue, management, theory of coordinated management of meaning, society

For citation: Andriyanova T.V. (2021). Public Dialogue in the Socio-Cultural Environment and its Management Perspectives in the Communication Theory of W. Barnett Pearce and Vernon E. Cronen (continuation). *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No. 2. P. 51-66. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-2-51-66.

Inf. about the author: Andriyanova Tatyana Vladimirovna, Cand. Sc. (Soc.), associate professor at the Department of Sociology, Kursk State University. Address: 305004, Kursk, Radishchev st., 29. E-mail: andriyanova.tv@gmail.com.

Received: 26.02.2021. Accepted: 12.03.2021.

References

- Andriyanova T.V. (2019). The research potential of the theory of coordinated management of meaning formation in the management of social processes. In: materials of the 4th scientific international conference, Vologda, March 25 – Apr. 2, 2019. Vologda: RAS Vologda Sc. Centre. P. 184-189 (In Rus.).
- Asakaviciute V. (2020). Martin Buber's Dialogical Communication: Life as an Existential Dialogue. *Filosofija. Sociologija*. No. 31(1). P. 51-60. DOI: 10.6001/fil-soc.v31i1.4178.
- Bohm D. (1996). On dialogue. London and New York: Routledge.
- Branham R.J., Pearce, W.B. (1985). Between text and context: Toward a rhetoric of contextual reconstruction. *Quarterly Journal of Speech*. No. 71. P.19-36.
- Cronen V.E. (1995) Coordinated management of meaning: The consequentiality of communication and the recapturing of experience. In: S.J. Sigman (ed.), The consequentiality of communication (p. 17-66). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Cronen V.E., Johnson K., Lannamann J.W. (1982). Paradoxes, double-binds, and reflexive loops: An alternative theoretical perspective. *Family Process*. No. 20. P. 91-112.
- Cronen V.E., Pearce W.B. (1981). Logical force in interpersonal communication: A new concept of the «necessity» in social behavior. *Communication*. No.6. P. 5-67.
- Gunnlaugson O. (2014). Bohmian Dialogue: a Critical Retrospective of Bohm's Approach to Dialogue as a Practice of Collective Communication. *Journal of Dialogue Studies*. Vol. 2. No. 1. P. 25-34.
- Hammond S.A. (1996). The thin book of appreciative inquiry. Plano, TX: CSS Publishing.
- Harre R., Grillett G. (1994). The discursive mind. Newbury Park, CA: Sage.
- Harre R., van Langehove L. (1999). The dynamics of social episodes. In R. Harre & L. van Langehove (eds.), Positioning theory (p. 1-13). Oxford, UK: Blackwell.
- Harre R. (1984). Personal being: A theory for individual psychology. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Kingston R.J. (1999). The political importance of dialogue. *Kettering Foundation Connections*. No.9. P. 2-5.
- McNamee S., Gergen K. (1999). Relational responsibility: Resources for sustainable dialogue. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Oliver C. (1996). Systemic eloquence. *Human Systems*. No. 7. P. 247-264.
- Pearce W.B. (1989). Communication and the human condition. Carbondale: Southern Illinois University Press.
- Pearce W.B. (1993). Achieving dialogue with «the Other» in the postmodern world. In P. Gaunt (Ed.), *Beyond agendas: New directions in communications research* (p. 59-74). Westport, CT: Greenwood Press.
- Pearce W.B. (1994). Interpersonal communication: Making social worlds. New York: HarperCollins.
- Pearce W.B., Cronen V.E. (1980). Communication. action and meaning: The creation of social realities. New York: Praeger.
- Pearce W.B., Littlejohn S.W. (1997). Moral conflict: When social worlds collide. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Pearce W.B., Pearce K.A. (2000b). Combining passions and abilities: Toward dialogic virtuosity. *Southern Communication Journal*. No. 65. P.161-175.
- Pearce W.B., Pearce K.A. (2000a). Extending the Theory of the Coordinated Management of Meaning (CMM) Through a Community Dialogue Process. *Communication Theory*. No.4. P. 405-423.
- Sharkov F.I. (2019). Social networks as the basis for the formation of public communications space. *Communicology (Russia)*. Vol.7. No.4. P.32-40 (In Rus.).
- Shotter J. (1989). Social accountability and the social construction of «you». In: J. Shotter & K. Gergen (eds.), *Texts of identity* (p. 133-151). London: Sage.
- Shotter J. (1993). Conversational realities: Constructing life through language. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Srivastva S., Cooperrider D. (1990). Appreciative management and leadership: The power of positive thought and action in organizations. San Francisco: Jossey-Bass.
- Strepparava G. (2017-2018). Kensington consultation centre: a birthplace of different systemic ideas... tesi di laurea magistrale. Bergamo [access mode]: <https://gck.nu/wp-content/uploads/2018/11/Giada-STREPPARAVA-Thesis-Kensington-Consultation-Centre-004.pdf>
- Wittgenstein L. (1967). Philosophical investigations, 3rd ed., transl. G.E. Anscombe. Oxford, UK: Blackwell.